

Б.Н. Миронов

РАССТАВИМ ВСЕ ТОЧКИ НАД *i*

Замечательно, что Н.С. Розов принял мои замечания, касающиеся эмпирической составляющей его статьи. Но, к сожалению, он не понял вторую, теоретико-методическую половину своей ошибки.

Мне хорошо известно, что моделировать можно что и как угодно, упрощая или усложняя модель, изменяя условия и т. п. (эта идея — не последнее слово науки, я знал об этом еще на студенческой скамье). Тем не менее, при построении гипотетической модели (а) вывод должен находиться в рамках сделанных допущений, (б) переменные и допущения должны быть эмпирически и операционно интерпретированы. Но Н.С. Розов не сделал адекватной интерпретации ни ключевых понятий, ни условий работы модели. Что такое свобода, государственный успех и ресурсная база, что такое принуждение, напряжение, ответственность и тревожность и т. д. — все это у него на уровне обыденных представлений. Дело не в том, что его модель простая и условия элементарны, а в том, что нет четкости в исходных посылах. Уже только на этом основании его модель не имеет серьезного научного значения. С такой логической игрушкой, на мой взгляд, можно забавляться, обсуждать ее работу с коллегами на семинаре, заниматься интеллектуальной провокацией, рассказывать о ней в газете в разделе «ученые спорят», ловить рыбу (лучше в каком-нибудь водоеме, а не в научном сообществе), но не выходить с публикацией в академическом журнале, тем более представлять «непричесанные» фрагменты из нескольких глав, наскоро оформленных в статью. Впрочем, это проблемы автора и редактора журнала.

Однако, делая выводы, Н.С. Розов забывает и о втором условии — о сделанных произвольных допущениях. В случае с моделированием политического развития России за 200 лет ему следовало сделать такое заключение:

В России в XIX–XX вв. уровень государственного успеха находится в обратном отношении к уровню свободы и в прямом отношении к ресурсам при следующих условиях:

1. если государственный успех, свободу, ресурсный баланс, принуждение, ответственность, тревожность и все другие переменные понимать так, как понимает Н.С. Розов;
2. если государственный успех и свобода находятся в таких отношениях, как их постулирует Н.С. Розов;
3. если величина ресурсов и государственных успехов находятся в таких отношениях, как это видится Н.С. Розову;
4. если связь между принуждением, ответственностью и тревожностью понимать так, как кажется Н.С. Розову;
5. если россияне отказывают нероссиянам в праве на достоинство и существование, полностью игнорируют и пренебрегают чужим, легко переходят от идеализма к шкурному прагматизму, не идентифицируют себя с государством, всегда не удовлетворены статусом своей страны и полностью отрицают свои достоинства или навязчиво их превозносят.

Я перечислил еще не все условия функционирования модели Н.С. Розова. Но даже если оговорить только эти, что остается от его вывода? На мой взгляд, сотрясение воздуха и сотрясение смысла. Как, например, в диссертации «Теоретические основы педагогического моделирования в соревновательной деятельности спортсменов в русской лапте», отклоненной ВАК в 2010 г. Но Н.С. Розов считает, что он обнаружил механизм цикличности в русской истории. Если бы автор сделал все необходимые оговорки, то спорить было бы не о чем. Моделируйте, забавляйтесь, создавайте произвольные конструкты, воображайте — человек, как известно, существо играющее. Но не претендуйте на то, что ваш произвольный конструкт отражает или раскрывает что-то реальное, не выдавайте свои фантазии за историческую реальность. Ведь в конце концов Н.С. Розов говорит не о том, что его модель — это игра его ума, а совсем другое: «Будем считать, что каркас порождающего цикла механизма у нас уже имеется. Заметим, что использованные понятия носят преимущественно объективистский характер». Предполагаю, что почти любой читатель после чтения статьи выносит мысль, что Н.С. Розов претендует на то, что он построил циклическую модель исторического процесса в конкретной стране — России, и в конкретный период — XIX–XX вв. А говорить задним числом о том, что это «только серия абстрактных конструктов», что лишь «намечены связи с эскизными эмпирическими моделями» — на мой взгляд, выглядит запоздалым и неубедительным оправданием. Не стоит принимать читателей за простаков.

Что касается моего скептицизма к моделированию. Я был и остаюсь сторонником моделирования как малых, так и крупных явлений и процессов в истории, и сам иногда этим занимаюсь. Однако до сих пор обнадеживающих результатов по моделированию крупных явлений и процессов не получено. В 2001 г., т. е. 9 лет назад, Н.С. Розов с коллегами выпустил книгу: *Разработка и апробация метода теоретической истории* / Н. С. Розов (ред.). (Новосибирск: Наука, 2001. 503 с.). В ней была артикулирована идеальная программа для исследований в области теоретической истории, изложена методика анализа — эту часть написал Н.С. Розов, а четверо его коллег сделали попытку ее практического приложения к ряду исторических сюжетов. Программа и методика основывались на концепции Гемпеля и методологии Лакатоса и обобщали результаты исследований «золотого века макросоциологии», прежде всего работ Р. Карнейро, Р. Коллинза, А. Стинчкомба, Т. Скочпол и Ч. Тилли. Этот подход и был использован Н.С. Розовым в его статье «Механизм российских циклов».

Насколько мне известно, я был единственным из российских историков, написавшим рецензию, и притом положительную, на эту книгу. Вот ее заключение: «Книга представляет большой интерес для всех интересующихся философскими и теоретическими вопросами истории, кто профессионально занимается методологией социальных и исторических наук. Она демонстрирует, что концептуализация социально-исторической реальности, экспликация и формализация переменных, структур и моделей, понятийного аппарата и теорий способны углубить анализ и поднять исследование на более высокий уровень, что использование понятийных и логических средств описания и сопоставления исторических фактов позволяют поставить единичное историческое явление в контекст с другими аналогичными явлениями в других странах и анализировать их сравнительно-исторически»*. При общей положительной оценке книги, я отметил и ее главный изъян: абстрактность, отсутствие эмпирического материала при объяснении метода, и его недостаток при применении программы. «Практическое использование идеальной программы теоретического исследования, продемонстрированное в четырех очерках, показывает, что реализовать потенциалы, заложенные в программе, чрезвычайно трудно главным образом из-за слабостью разработки исходных посылок и недостатка данных». Я заметил также, что «корректная реализация программы предъявляет столь высокие требования к исходным данным, к концептуализации социально-

* Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1 (21). С. 200–204.

исторической реальности, характеризующейся, как известно, взаимопереплетением множества сложных аспектов, что может быть применена лишь в исключительных случаях. Наконец, использование программы предъявляет непомерно высокие требования и к самому исследователю». Высказал и пожелание: «Очень бы хотелось, чтобы следующая книга по теоретической истории нашла себе читателя не только среди методологов, но и среди практикующих историков. Для этого, на наш взгляд, желательно, чтобы учитывалась в достаточной мере специфика истории как науки гуманитарной, чтобы манера подачи материала была менее супернаучной, сухой и абстрактной».

Прошло девять лет. Статья Розова «Механизм российских циклов», на мой взгляд, не только не знаменует прогресса на пути, им намеченном, а является шагом назад. Автор не выполнил свою идеальную программу, которая включает девять этапов: проблематизация, предметизация, исходная теоретизация, логико-эвристический анализ, содержательный анализ, преодоление первичных аномалий, численный анализ, преодоление вторичных аномалий, завершающая теоретизация и прагматизация. А то, что сделал, не удовлетворяет научным стандартам; его выводы не имеют эмпирической базы. Н.С. Розов полагается больше на интуицию и озарение, чем на соблюдение строгих процедур, на чем он настаивает в своих работах. Если автор программы не может ее удовлетворительно реализовать, что должен думать о ней читатель?!

Профессиональные стандарты требуют от историка быть прежде всего эмпириком. И это хорошо — должен же кто-то стоять на земле, а не летать в облаках. Но и среди историков встречается немало людей, склонных к теоретической работе и моделированию: А.С. Ахизер, Л.И. Бородкин, А.Я. Гуревич, И.Д. Ковальченко и его школа, И.С. Кон, А.С. Лаппо-Данилевский, О.М. Медушевская, Б.Ф. Поршнев, Ч. Тилли, Н. Элиас и многие другие. На мой взгляд, прежде всего от тех, кто считает себя теоретиками, зависит интерес историков к теоретическим моделям. К сожалению, построения, подобные тем, какие представил на суд читателей Н.С. Розов, с моей точки зрения, профанируют в глазах историков теоретическую работу, даже среди тех, кто имеет к этому интерес или склонность, а к таким, между прочим, отношусь и я. Поэтому «не надо пенять на зеркало...». Когда теоретизировали А.Я. Гуревич или И.С. Кон, все научное сообщество им внимало. Пусть Н.С. Розов напишет подобную работу, и мы будем ему внимать. И рассеется скепсис как туман под лучами солнца.

Совершенно недопустимо, на мой взгляд, называть смехотворными объяснения политического процесса, которые дают такие крупные социологи, как Э. Гидденс, У.Е. Мур, А. Тоффлер, Й. Фортнос, С.П. Хан-

тингтон, П. Штомпка, С.Н. Эйзенштат и другие. Даже если они не входят в круг известных и уважаемых Н.С. Розовым макросоциологов. Во-первых, потому, что смехотворными эти объяснения кажутся Н.С. Розову. Во-вторых, нигилизм со стороны российских исследователей в отношении западных социологов, с точки зрения последних, выглядит провинциально: российская социальная наука, к сожалению, сильно отстает от западной, несмотря даже на большой вклад, который внес в ее развитие Н.С. Розов. Теория модернизации — не устаревшая теория, а просто на время вышедшая из моды, но отнюдь не забытая, как не забыт марксизм или функционализм. Обгоняя паровоз, не стоит оскорблять сидящих в вагонах.

В заключение хотел бы заметить, что осуждая современную историческую науку за индифферентное отношение к теории, хорошо бы иметь в виду, что российские историки за 75 лет советской власти так устали от теорий и спекуляций, что у них к ним возникла аллергия; им хочется просто поработать с фактами. Поэтому мейнстрим нашей сегодняшней исторической науки — не антитеоретический пафос, как полагает Н.С. Розов, а проэмпирический тренд.